

УДК 811.161.1'37

UDC 811.161.1'37

ОППОЗИЦИЯ «ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ» В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

OPPOSITION «LIFE / DEATH» IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

А. А. Папейко,
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
теории и методики
начального образования МГУ
имени А. А. Кулешова

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9244-7760>

A. Papeiko,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Theory and
Methodology of Primary Education
of MSU named after A. A. Kuleshov
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9244-7760>

Поступила в редакцию 16.01.2025.

Received on 16.01.2025.

В статье рассматривается вопрос об отношениях, складывающихся внутри бинарной оппозиции «жизнь / смерть» при сопоставлении одноименных лексико-семантических полей в русском поэтическом дискурсе. Очерчивается общая структура семантико-статистических моделей жизни и смерти, полученная на основе субстантивных метафор, сравнений, эпитетов, субъектных и объектных глагольных метафор. Приводятся сведения об употреблении общих вторичных номинантов жизни и смерти в рамках пяти перечисленных средств на материале поэтических произведений 1901–2022 гг. с общим объемом свыше двух миллионов словоупотреблений.

Ключевые слова: концепт, оппозиция, образное средство, лексико-семантическое поле, семантико-статистическая модель, русский поэтический дискурс, жизнь, смерть.

The article examines the relationship that develops within the binary opposition “life / death” when comparing the lexical and semantic fields of the same name in Russian poetic discourse. The general structure of semantic and statistical models of life and death is outlined, obtained on the basis of substantive metaphors, comparisons, epithets, subject and objective verb metaphors. Information is provided on the use of common secondary nominees of life and death within the five listed means based on poetic works from 1901 to 2022 with a total volume of over two million word usages.

Keywords: concept, opposition, figurative device, lexical-semantic field, semantic-statistical model, Russian poetic discourse, life, death.

Поэтический дискурс представляет собой уникальное текстовое пространство, в котором важнейшие ментальные образования находят вербальное выражение и тем самым становятся открытыми для наблюдения. Изучение ключевых концептов, воплощенных в виде соответствующих лексических реализаций, открывает путь к воссозданию структуры языковой картины мира, один из центральных фрагментов которой составляют концептуальные понятия жизни и смерти [1–5].

В предшествующих публикациях по теме диссертационного исследования «Ключевые концепты русского поэтического дискурса XX – начала XXI веков в синхронии и диахронии: семантико-статистическое моделирование» мы рассматривали различные частотные и семантические особенности лексических репрезентантов жизни и смерти в рамках таких образных средств, как субстантивные метафоры, сравнения, эпитеты, субъектные и объектные глагольные метафоры. Целью данной статьи является обобщение наблюдений за спецификой жизни и смерти как членов бинарной оппозиции.

Фактическим материалом для нашего исследования послужил 16 241 поэтический текст (общий объем 2 226 780 словоупотреблений), написанных 32 авторами в период с 1901 по 2022 гг.; в качестве источника были использованы поэти-

ческий корпус Национального корпуса русского языка [6], а также литературные интернет-ресурсы, персональные сайты и личные архивы ряда авторов.

Термин «оппозиция» происходит от латинского *oppositio* ('противопоставление') и в языкознании традиционно понимается как «лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот» [7, с. 348]. Общеязыковое, словарное толкование жизни и смерти соотносит данные концепты с началами противоположными, о чем свидетельствует включение одноименной пары лексических единиц в словари антонимов (см., например, источник [8]).

Поэтический дискурс показывает, что жизнь и смерть нередко действительно приобретают статус антонимов, а их персонализированные образы вступают в антагонистические отношения, т. е. каждое из пяти названных выше образных средств выявляет противоположные черты в отображении концептуальных понятий жизни и смерти.

Вместе с тем отношения между жизнью и смертью в поэтическом дискурсе выходят далеко за рамки собственно антонимии, т. е. противопоставление часто нейтрализуется, уступая

место уподоблению, взаимодействию, отождествлению, о чем свидетельствует следующее.

Во-первых, структура лексико-семантических полей данных концептуальных понятий оказывается во многом подобной, т. е. семантико-статистические модели, полученные на основе каждого из пяти образных средств, демонстрируют при сопоставлении полей *жизни* и *смерти* практически одинаковые перечни смысловых групп из 20 позиций¹:

- субстантивные метафоры: 1) астрономический, воздушный, географический, водный объект; 2) вещество, материал; ~~продукт питания~~, напиток; 3) волевое, внутреннее, внешнее качество; 4) движение, развитие, проявление, образ; ~~наличие, отсутствие, часть от целого~~; 5) действие, событие; 6) жизнь, смерть; функция организма; 7) звук, запах, вкус; освещение, цвет; 8) игра, ее атрибуты; 9) локус движения; транспорт; 10) предмет (артефакт, вещь, след деятельности и др.); 11) пространство, его часть, форма, изображение; 12) растение, его часть, место произрастания; 13) сознание, его работа, состояние; познаваемость; 14) соматизм (часть тела); 15) стихия (вода, огонь, ~~воздух~~), явление природы; 16) строение, поселение, заведение; 17) текст, его носитель; 18) темпоральность (временная характеристика); 19) человек (пол, возраст, профессия и др.); животное; персонаж; 20) чувство, ощущение, отношение;
- субстантивные сравнения: 1) астрономический, воздушный, географический, водный объект; 2) вещество, материал; продукт питания, ~~напиток~~; 3) волевое, внутреннее, ~~внешнее~~ качество; 4) движение, развитие, проявление; 5) действие, событие; 6) животное; 7) жизнь, смерть; ~~функция организма~~; 8) звук; освещение, цвет; 9) локус движения; ~~транспорт~~; 10) предмет (артефакт, вещь, след деятельности и др.); 11) пространство, его часть, форма, изображение; 12) растение, его часть, место произрастания; 13) сознание, его работа, состояние; 14) соматизм (часть тела); 15) стихия (вода, ~~огонь~~), явление природы; 16) строение, поселение, ~~заведение~~; 17) текст, его носитель; 18) темпоральность (временная характеристика); 19) человек (пол, возраст, профессия и др.); персонаж; 20) чувство, ощущение, отношение.
- эпитеты: 1) величина и форма (в пространстве и времени); 2) визуальное восприятие; 3) вкус, запах; температура, осязание; 4) внутреннее качество; 5) возраст; время протекания; 6) движение, развитие; действие, проявление (~~в т.ч. мир, война~~); 7) жизнь, смерть; 8) звук; 9) количество, счёт; 10) освещение, цвет; 11) отношение к настоящему моменту

и месту; 12) отношение, восприятие; 13) принадлежность; 14) прочность, материал, вещество; 15) прямая +/- оценка; 16) степень достатка, полнота; степень силы, свободы, открытости; 17) степень сложности; 18) сфера реализации; 19) территория; 20) указание;

- субъектные глагольные метафоры: 1) бытовое действие; ~~литературная деятельность~~; 2) внешнее проявление; освещение, цвет; зрение; 3) воля, подчинение, противостояние, влияние; 4) воплощение в реальность; 5) горение, температура; 6) желание, ожидание, стремление; обещание, обман, пророчество; 7) ~~жизнь, смерть~~; растительное проявление; 8) звук, запах; 9) знание, умение, память; числовые операции; стоимость, ценность; 10) изменение количества, появление, исчезновение; изменение качества; 11) открытость, скрытость; 12) перемещение, протекание; 13) присвоение, отчуждение; 14) приход, уход; 15) продолжение, прерывание; 16) проявление в действии; 17) разрушение, негативное отношение; созидание, позитивное отношение; 18) соединение, разделение; 19) состояние, физиология; насыщение, наполнение; 20) статичность;
- объектные глагольные метафоры: 1) волевое воздействие; ~~давление, сжатие~~; противостояние, борьба; 2) движение (направление, локус); 3) желание, ожидание, стремление; игра, шутка; 4) зрительное восприятие; освещение; звук; 5) наполнение, смысл; 6) обращение, обещание, просьба; 7) открытость, скрытость, поиск; 8) отношение, чувство, ощущение; 9) очищение, загрязнение, ~~преобразование~~; 10) перемещение (акция); 11) плата, стоимость, ценность, обмен; 12) прикосновение, соединение, разъединение; 13) присвоение, отчуждение; 14) процесс; возвращение, возобновление, прерывание; стадия, длительность; 15) работа сознания; память; измерение, мера, счёт; 16) разрушение; созидание, сотворение, защита; 17) расточение, потеря, ~~растрата~~; 18) речевая деятельность, текст; 19) статичность; 20) физиология (воздействие, реакция).

Во-вторых, большая часть смысловых групп включает лексические единицы, использованные в качестве названных образных средств и являющиеся при этом общими для *жизни* и *смерти*. Весомость данных лексических единиц в каждом из двух полей определяется следующими количественными показателями²:

- субстантивные метафоры: 90; 211 / 22,49 %; 142 / 37,37 %;
- субстантивные сравнения: 19; 42 / 12,77 %; 40 / 29,63 %;

¹ Зачёркнутый курсив означает наличие данного смыслового блока только в одном из двух лексико-семантических полей.

² Первое число обозначает количество разных слов; через наклонную черту указано количество с учетом повторения и удельный вес среди всей совокупности примеров данного образного средства в полях *жизни* и *смерти*.

- эпитеты: 108; 516 / 42,79 %; 197 / 61,56 %;
- субъектные глагольные метафоры: 106; 319 / 28,08 %; 194 / 39,84 %;
- объектные глагольные метафоры: 127; 318 / 25,18 %; 262 / 49,62 %.

В-третьих, помимо наличия общих лексических единиц в рамках каждого из пяти образных средств, *жизнь* и *смерть* нередко сталкиваются в тесном контексте, т. е. в пределах одной цитаты соседствуют вторичные номинанты, представляющие оба лексико-семантических поля.

Так, в каждом из полей (группа объектных глагольных метафор «Работа сознания; память; измерение, мера, счет») отмечены 16 слов, с учетом повторения дающих 37 примеров метафор жизни и 25 примеров метафор смерти, что составляет в рамках группы 36,27 и 58,33 % соответственно¹: *брать* (в кавычки), *думать*, *забыть*, *знать*, *отражать*, *очнуться*, *позабыть*, *познать*, *понимать*, *представить*, *разрешить* (загадку), *считать* (чем), *узнавать*, *узнать*, *усложнять*, *учить*.

Данные лексические единицы представляют большинство из смысловых подгрупп, причем в ряде случаев *жизнь* и *смерть* встречаются в узком текстовом пространстве, т. е. в пределах одной цитаты соседствуют объектные глагольные метафоры, представляющие оба лексико-семантических поля. При этом объектная глагольная метафора часто не только оказывается общей, но и употребляется однократно, т. е. одно и то же действие становится направленным одновременно и на жизнь, и на смерть, которые благодаря такому приему контекстуально отождествляются либо противопоставляются в каком-либо отношении, например: *Жизнь и смерть давно беру в кавычки, / Как заведомо-пустые сплеты.* (Цветаева) *Ну а я – я слышу, что я смелый, / но о жизни и смерти своей / что я думаю, грешный и смертный, / среди грешных и смертных людей?* (Евтушенко) *И в час торжественный возврата / Они забыли обо всем: / Забыли жизнь и смерть солдата / Под неприятельским огнем...* (Блок) – Сравн.: *Боль же / учит не смерти, но жизни.* (Бродский)

Объектные глагольные метафоры, представляющие *жизнь* и *смерть* в тесном текстовом пространстве, могут принадлежать и к разным смысловым группам, в таком случае констатируется более или менее существенное различие данных концептуальных понятий. Так, в первой из приведённых далее цитат с объектной метафорой *жизни* группы «Работа сознания; память; измерение, мера, счет» (*знать*) соседствует метафора *смерти* группы «Прикосновение, соединение, разъединение» (*встречать*), а во второй

рядом с метафорой жизни рассматриваемой группы (*разгадать*, реализовано посредством субстантива *разгадка*) оказывается метафора *смерти* группы «Волевое воздействие; давление, сжатие; противостояние, борьба» (*победить*, реализовано формой причастия *победившее*), например: *Встречал ли ты в атаке смерть? / Привык ли ты дерзать? / И так ли знаешь жизнь, / чтоб сметь / о ней другим сказать?..* (Рождественский) – Сравн.: *Разве ты мне не скажешь снова / Победившее смерть слово / И разгадку жизни моей?* (Ахматова) Различие между *жизнью* и *смертью* проявляется прежде всего не в противоположном, а именно в различном отношении к ним, и если *жизнь* является объектом пристального внимания, заботы, беспокойства, то *смерть* как явление нежелательное вызывает стремление забыть о ней, «вычеркнуть» ее из своих мыслей и переживаний, например: *...сомнениям во власть / и укоризне, / когда печется страсть / о долгой жизни / на некой высоте, / как звук в концерте, / забыв о долготе, – / о сроках смерти!* (Бродский)

Ближайшее окружение объектной метафоры *жизни* либо *смерти* может содержать иные образные средства, характеризующие и объединяющие данные концептуальные понятия; так, в приведенной далее цитате целесообразность и даже необходимость действия *сравнить* по отношению к *жизни* вытекает из того, что *жизнь* и *смерть* сопровождаются общими для них эпитетами (*случайна* и *легка*), конкретизирующими сравнительную конструкцию с формальным показателем *как*, например: *И жизнь, как смерть, случайна и легка, / так выбери одно наверняка, / так выбери, с чем жизнь свою сравнить, / так выбери, где голову склонить.* (Бродский) Кроме того, *жизнь* и *смерть* способны выполнять роли субъекта и объекта действия, направленного от одного к другому; так, в приведенной далее цитате *жизнь* в качестве персонифицированного субъекта, выполнив своё предназначение (разрешиться от бремени, т. е. дать начало новой жизни), забывает о боли и смерти, например: *Жизнь разрешается от бремени и забывает смерть и боль. / В глазах глаголов – слезы времени, любви сияющая соль.* (Кекова)

В-четвертых, характеристика как *жизни*, так и *смерти* в рамках одной и той же смысловой группы и подгруппы нередко оказывается полярной, т. е. лексические репрезентанты каждого из концептуальных понятий отмечены и положительной, и отрицательной коннотацией. Так, в плане качеств по отношению к окружающим (подгруппа «качества по отношению к окружающим» группы эпитетов «Внутреннее качество») *жизнь*, с одной стороны, показана как *беспощадная, грозная, грубая, жестокая, злая, строгая, суровая*, а с другой – как *благосклонная, любезная, милая, нежная*; интересно, что и с точки зрения лексического разнообразия, и с точки зрения совокупного количества примеров преобладают

¹ Напомним, что удельный вес общих для *жизни* и *смерти* объектных глагольных метафор по всем смысловым группам составляет 25,18 % и 49,62 % соответственно, т. е. в группе «Работа сознания; память; измерение, мера, счёт» средний показатель оказывается превышен в рамках каждого поля.

эпитеты с отрицательной коннотацией, например: *Но жизнь свежа и беспощадна: / в черемухи прощальный день / глаз безутешный – мрачно, жадно / успел воззриться на сирень.* (Ахмадулина) *Мне нравится, что жизнь со мной – груба / и так насмешлива, подробна и неместна...* (Воденников) *Я пью за разоренный дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоем, / И за тебя я пью, – / За ложь меня предавших губ, / За мертвый холод глаз, / За то, что мир жесток и груб, / За то, что Бог не спас.* (Ахматова) В рамках этой же подгруппы *смерть*, с одной стороны, предстает как *безжалостная, грозная, грубая, жестокая, злая, лютая, недобрая, неласковая*, а с другой – как *добрая, милая, нежная, справедливая*; заметно, что в плане лексического разнообразия и совокупного количества примеров также преобладают эпитеты с обобщенной отрицательной оценкой, например: *Теперь ты знаешь тяжкий труд / И дуновение смерти грозной, / Ты знаешь бешенство минут, / Припоминая слово «поздно».* (Гумилёв) *...без пощады Смерть в Аид низводит души, / Напрасно к ней взывать; / Жестокая, она, заткнув упрямо уши, / Не хочет нам вникать.* (Брюсов) *Вот лежу я на койке, как чайничек, / Злая смерть надо мною кружит, / А начальничек мой, а начальничек, / Он в отдельной палате лежит.* (Галич)

В подгруппе эпитетов с общим значением эмоций, настроения, ощущений (*грусть и веселье, удовольствие и неудовольствие*) *жизнь* изображается, с одной стороны, как *блаженная, веселая*, а с другой – как *грустная, занудливая, несчастная, печальная, скорбная, скучная*. *Смерть* в рамках этой же подгруппы определяется эпитетами *блаженная, веселая*, которым противостоят отрицательно окрашенные образные определения *грустная, нудная, печальная, угрюмая, хмурая*. Как и в случае с предыдущей подгруппой, в обоих лексико-семантических полях преобладают эпитеты негативной окраски, например: *А там: Уйдем, уйдем от жизни, / Уйдем от этой грустной жизни!* (Блок) *Но только тот действительно спортсмен – / Кто разорвал печальную жизни плен: / Он знает мир, где дышит радость, пенясь...* (Мандельштам) – Сравн.: *Когда его художник милый / Выводит на стеклянной тверди, / В сознании минутной силы, / В забвении печальной смерти.* (Мандельштам)

При рассмотрении эпитетов смысловой группы внутренних качеств обращает на себя внимание не просто частое столкновение дискурсивных образов *жизни* и *смерти* в узком контексте, но и их лаконичная характеристика по принципу антитезы, позволяющей подчеркнуть противоположные качества противоположных же понятий. Так, в первой из приведенных ниже цитат контекстуальное сопоставление *жизни* и *смерти* позволяет оценить их с точки зрения ментальных способностей, а во второй противопоставить по сущностному свойству говорить правду или лгать, например: *Как жизнь забыв-*

чива, как памятлива смерть. (Ахматова) – Сравн.: *Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь...* (Гумилёв)

Контекстуальное столкновение *жизни* и *смерти* может служить почвой для сопоставления не столько названных понятий, сколько различных «вариантов» одного из них. Так, в приведенной ниже цитате сравниваются не столько *жизнь* и *смерть*, сколько *жизнь* достойная и *жизнь* недостойная, «правильная» и «неправильная», в результате чего в качестве главной ценности утверждается не само наличие *жизни* как таковой, сколько ее качество, безусловный примат соответствия внутреннему эталону, например: *И рано нас равнять с болотной слизью – / Мы гнезд себе на гнили не сошьем! / Мы не умрем мучительною жизнью – / Мы лучше верной смертью оживем!* (Высоцкий)

В-пятых, для поэтического дискурса характерно смещение и даже диаметрально замещение положительного и отрицательного полюсов коннотации, проявляющееся при сопоставлении средств дискурсивного отображения *жизни* и *смерти* (с одной стороны) с общезыковой семантикой (с другой), которая логически предполагает рассмотрение *жизни* как начала позитивного и созидательного, а *смерти* – как начала негативного и разрушительного. Это также становится особенно заметным при рассмотрении образных средств, представленных общими для *жизни* и *смерти* лексическими единицами.

Так, группа субстантивных метафор «Чувство, ощущение, отношение» содержит следующие общие для *жизни* и *смерти* вторичные номинанты: *благодать, блаженство, болезнь, любовь, смех, страх, торжество, ужас*. Если рассмотреть *жизнь* как начало позитивное и созидательное, то из перечисленных выше восьми номинантов более ожидаемыми по отношению к *жизни* являются *благодать, блаженство, любовь, смех, торжество*, имеющие положительную коннотацию. Применительно же к *смерти* как началу негативному и разрушительному данные метафоры создают неожиданный, контрастный образ, в результате чего, во-первых, *смерть* предстает как нечто притягательное, желательное, а во-вторых, осуществляется имплицитная характеристика *жизни*, логически вытекающая из вербального представления *смерти*: так, *смерть* воспринимается как благо в том случае, если *жизнь* противоречит базовой установке, то есть не является позитивным созидательным началом. А в Харькове жасмин и царствен и божествен, / а харьковская снедь – хоть падай, хоть ложись. / Растительная жизнь – воистину блаженство, / воистину восторг – растительная жизнь! (Егоров) – Сравн.: *Звуки ясно пели о блаженстве смерти, / О стране, где сумрак, тайна и покой.* (Брюсов)

Напротив, метафоры *болезнь, страх, ужас*, имеющие коннотацию отрицательную, являются более ожидаемыми применительно к *смерти*;

неожиданное контрастивное значение этих метафор реализуется в случае характеристики *жизни*, в результате чего, во-первых, *жизнь* предстает как нечто деструктивное, ущербное, противоречащее идеальным представлениям, а во-вторых, в поэтический дискурс вводится имплицитная характеристика *смерти*, вытекающая из вербального представления *жизни*: если *жизнь* является источником страданий, то *смерть* как ее противоположность выступает в качестве подразумеваемого притягательного выхода. *Страхом Смерти объятый, / Все же первый в лицо ей взглянул.* (Бунин) – Сравн.: *Это жизнь, это страх, насеченный огнем на скрижали / растворяет листу...* (Седакова)

Итак, как следует из сказанного выше, концептуальные понятия *жизни* и *смерти* в поэтическом дискурсе действительно образуют бинарную оп-

позицию, отношения внутри которой оказываются сложнее обычного противопоставления, о чем свидетельствует следующее:

- сходство перечней смысловых групп и подгрупп семантико-статистических моделей *жизни* и *смерти*;
- общие для *жизни* и *смерти* лексические единицы, представляющие каждое из пяти рассмотренных образных средств;
- частое столкновение лексических репрезентантов *жизни* и *смерти* в узком текстовом пространстве;
- полярность характеристики как *жизни*, так и *смерти* в рамках одних и тех же смысловых групп и подгрупп;
- смещение положительного и отрицательного полюсов оценочной коннотации *жизни* и *смерти* вплоть до диаметральной их перемены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.
4. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
5. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
6. Сайт НКРЯ: <https://ruscorpora.ru>.
7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
8. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов; под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 384 с.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Obraz cheloveka po dannym yazyka : popytka sistemnogo opisaniya / Yu. D. Apresyan // Voprosy yazykoznaniya. – 1995. – № 1. – S. 37–67.
2. Karaulov, Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. – 7-e izd. – M. : Izdatel'stvo LKI, 2010. – 264 s.
3. Popova, Z. D. Ocherki po kognitivnoj lingvistike / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – 3-e izd. – Voronezh, 2003. – 192 s.
4. Stepanov, Yu. S. Konstanty : Slovar' russkoj kul'tury / Yu. S. Stepanov. – 3-e izd., ispr. i dop. – M. : Akademicheskij proekt, 2004. – 992 s.
5. Shmelev, A. D. Russkaya yazykovaya model' mira : Materialy k slovaryu / A. D. Shmelev. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. – 224 s.
6. Sajt NKRYa: <https://ruscorpora.ru>.
7. Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Yarceva. – 2-e izd. – M. : Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1998. – 685 s.
8. L'vov, M. R. Slovar' antonimov russkogo yazyka / M. R. L'vov; pod red. L. A. Novikova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Russkij yazyk, 1984. – 384 s.